

АВТОГРАФ

Юрий Рост:

«Я очень веселый человек

Комсомол. правда, - 1997. - апр. - с. 4

и правдивый. Приврать могу, но...»

Юрий Рост, известный фотожурналист и ведущий программы «Конюшня Роста», выходец из «Комсомолки», на днях получил премию Академии свободной прессы.

Поздравляем коллег и друга, предлагаем читателям «КП» беседу с ним, которая началась с его заявления:

- А ты знаешь, что первая фотография появилась в 1840 году? И что существует фотография Гоголя?

- Ты снимал?

- Не я.

- А скажи, как ты так устроился, что, будучи человеком обслуживающим, журналистом, фотографом, в то же время сам стал субъектом внимания к тебе?

- Да понимаешь, я не обслуживающий, я служащий, как говорил Александр Сергеевич. Вот я служу с радостью. Высокому.

- Это фантастика, что ты с таким пафосом говоришь. И все же?

- Вот слово «устроился» мне нравится, честно. Оно предполагает некие усилия по части устраивания. А у меня все как-то само идет. Я не прилагаю никаких усилий. Я живу ленно и жду, когда мимо проплывет что-нибудь такое, а я, как рак-отшельник, выскочу и схвачу.

- Знаешь, оказывается, обезьяна ловит муху не так, как человек. Она протягивает руку в ту точку, куда должна прилететь муха, у нее реакция сносшибательная.

- Я думаю, что ты поймала бы муху.

- Я думаю, что и ты поймал бы муху.

- Я не знаю, куда муха полетит, я просто быстрее, чем она. Муха живет в другом времени, коротко, но быстро. И поэтому то движение, которое задумала обезьяна, для нее чрезвычайно медленно. А про обезьян я могу тебе рассказать много интересного.

- Давай мы потом про обезьян, сначала про тебя.

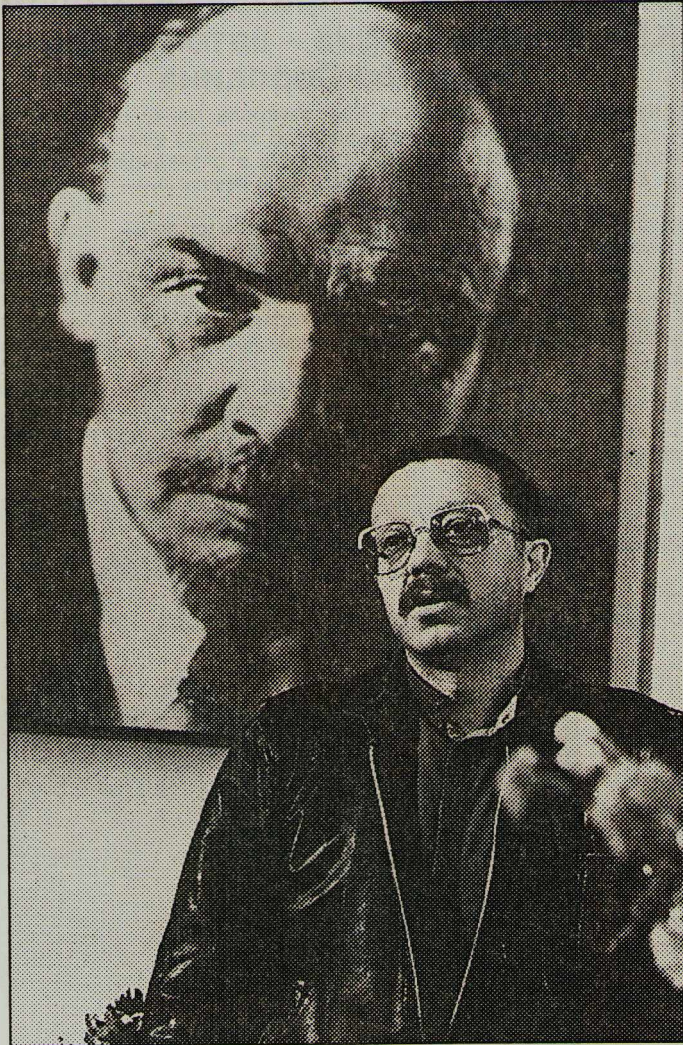
- Давай про меня.

- Ты человек веселый? Легкомысленный?

- Уныние, как ты знаешь, - грех. Я не знаю, веселый ли я. Мне с собой очень хорошо. Я очень радуюсь сам себе. Поэтому, когда я остаюсь в одиночестве, а в это время кто-то войдет, он попадает в эту зону веселья. Я правду говорю. Я же очень правдивый человек. Приврать могу, но первое слово правдивое, а дальше - что человеку удобно. Я не люблю спорить. Спор - это попытка самоутверждения. Мне совершенно не нужно это. Я в другом самоутверждаюсь. Вообще же я думаю безотказно. То есть у меня не выключается это. Никак. Выключается главным образом в самолете. Это мое любимое место. Я люблю в самолет сесть, взлететь и ждать курицу резиновую. А так все время думаешь о том, что успел сделать, что не успел.

- Юра, мне очень нравится то, что ты называешь «страна людей». То, что ты живешь в этой стране и все время делаешь новые открытия.

- Сейчас меньше. Накопилось много нереализованных вещей. Я перебираю негативы, а негативы лучше, чем записная книжка и дневник, потому что там образы сохраняются. Я не помню слов, но они и не нужны. Слова можно придумать. Я смотрел-смотрел эти негативы и подумал, что, собственно, закат человека - это когда он начинает расходо-

Юрий Рост, который не фотографировал только Гоголя.

вать опыт, а перестает его обретать. Отчасти это возраст, а отчасти изменившаяся ситуация в стране, потому что среди многих свобод, которые обрели люди, есть некоторые свободы, которые они потеряли. В частности, свободу передвижения. Раньше было очень просто. Ты брал за 37 рублей билет и улетал в Грузию, не пересекая границы. Или на дневном поезде за 7 рублей уезжал в Ленинград. Или за 1 рубль с Емельянычем Ковалевым ехал в СВ. Был такой замечательный начальник поезда, который рассказывал до Бологого, как он убил кабана. Сколько я ездил, столько он рассказывал. Из-за этого круг... я его называю кругом, ну вот эту страну...

- Ближний круг...

- Ближний, дальний... он вообще круг. Других нету. Ты очертил круг - за ним уже другое пространство.

- Ты заговорил о Грузии - это кусочек твоего сердца. И когда были эти события грузинские 9 апреля 1990 года, ты туда полетел. Ты вообще не такой человек, чтоб в горячие точки планеты летать...

- В горячие точки планеты я действительно не летал. За границу я не рвался. Если у меня друзей нет, то вообще для меня мертвое дело. А вот в горячие точки Советского Союза я летал довольно много. Просто мы уже к этому времени работали в разных изданиях. Я был и в Армении, и в Карабахе, и в Грузии, и в Таджикистане, и в Вильносе... как-то оказывался в гуще всех событий...

- Это самый твой кровавый опыт, да? Каким ты вернулся оттуда?

- Что значит кровавый опыт? Видишь ли, журналист, он вне войны, даже если его убивают. Если он в войне - он не журналист. Он солдат тогда. Он может быть либо с автоматом, либо с камерой, и от того, за что он хватается, по-

нятно, кто он. Я никогда оружия в руках не держал. А с камерой был. Но если ты имеешь в виду страх или ужас от того, что ты видишь... Я думаю, что смерть одного человека меня потрясла больше, чем смерть массы, потому что в этом одном я могу себя идентифицировать. И когда мне говорят, что погиб один человек, для меня это столь же великая трагедия, как и тогда, когда много. Просто они суммируются, эти трагедии. Это умирают миры. Больше у них не будет ни детей, ни внуков - это горе. Я когда-то хотел написать, может быть, еще и напишу - вот снайпер, который убивает человека, который ему ничего плохого не сделал, неизвестного убил. У того своя жизнь, у этого - своя. Щелкнул, и все: эти жизни разошлись.

- Блоу ап.

- Блоу ап - это по-вашему, по-иностранным, а для меня фотография - это смерть момента. Это смерть буквально. Это не фотография смерти, а собственно смерть. Потому что больше это не повторится.

- Юра, но одновременно это вечная жизнь момента.

- Вечной жизни не бывает. Эта жизнь умирает вместе с фотографом. Точно так же, как рукописи ненапечатанных книг умирают вместе с писателями.

- А вообще как ты начал фотографировать? Почему?

- Моя жизнь в искусстве началась так. В 1945 году, когда все приезжали с трофеями, мой дядя привез мне

фотоаппарат Цейс-Никон 6 на 9, и там было две или три пленки. Я эти пленки зарядил и снял. И поэтому могу сказать, что я снимаю более 50 лет. А моим учителем по части фотографии является известный тебе Всеволод Михайлович Арсеньев. Когда я пришел в первый раз в «Комсомольскую правду» и показал ему какие-то карточки, он сказал: покажи негативы. Посмотрел на свет и так, глядя в сторону, сказал: резко. Это была оценка. Очень дорогая для меня.

- Юра, а почему ты снимаешь не пейзажи, не архитектуру, а людей?

- Архитектура не умрет. При моей жизни. Ее всегда можно снять. А человек...

- В «Конюшне Роста» ты приглашаешь людей к себе - это часть жизни?

- Часть жизни, безусловно.

- Юра, на самом деле мы с тобой счастливые люди, потому что занимаемся тем, что любим. А тебе не бывает иногда стыдно, что ты журналист? Именно сегодня?

- Мне никогда не стыдно. Потому что я не отвечаю ни за журналистику в целом, ни за это время. А потом я знаю очень многих приличных журналистов и дружу с замечательными журналистами и приличными людьми.

- Ну что б еще тебя спросить...

- А больше ничего не спрашивай. Был такой замечательный философ и воздухоплаватель Винсент Шермет, он сказал замечательную фразу: «Ты знаешь обо мне все - ты мне не интересен». Я хочу остаться интересным для тебя и для других.

Ольга КУЧКИНА.

P.S. Полностью встречу с Юрием Ростом вы увидите в программе «Время «4» с Ольгой Кучкиной в субботу, 12 апреля, в 18 часов на канале НТВ.